

УДК 8И
ББК 83.3 (7США)

Ю. П. Андрушко
Y. Andrushko
г. Челябинск, ЧГПУ
Chelyabinsk, CSPU

**МУЗЫКА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ГОЛОСА: АУДИАЛЬНЫЕ СРЕДСТВА
ОТЧУЖДЕНИЯ В НОВЕЛЛИСТИКЕ Т. УИЛЬЯМСА**
**THE MUSIC OF HUMAN VOICE: AUDIO TOOLS OF ALIENATION
IN THE SHORT STORIES OF T. WILLIAMS**

Аннотация: В статье анализируются особенности изображения аудиальных образов (звучание человеческого голоса, смеха, намеренное или вынужденное молчание героев, их способность / неспособность слышать и понимать друг друга и т. п.) в новеллистике Т. Уильямса, их функция в текстах. Автор статьи считает, что внимание к звучанию человеческого голоса, характерное для уильямсовских произведений, является одним из способов показать отчуждение человека в современном писателю мире.

Ключевые слова: отчуждение; Т. Уильямс; новеллистика; аудиальный образ; образ мира.

Abstract: In this article the characteristics of audio images (i. e. human voice sound, laughter, intentional or forced silence of the heroes, their (in-)ability to listen to and understand each other etc.) and their role in the text are analyzed through the short stories of T. Williams. The author of the article supposes that the attention to the sound of a human voice typical to the works of T. Williams should be one of the ways to show human alienation in the world of the time.

Keywords: alienation; T. Williams; short stories; audio image; world image.

Согласно «Новой философской энциклопедии», отчуждение может рассматриваться как «состояние эмоционально-психологической отстраненности, чуждости по отношению к кому-либо или чему-либо, в том числе к самому себе» [1, с. 181]. Отчуждение – одна из центральных тем литературы XX в., в том числе американского писателя Т. Уильямса. Будучи последователем А. П. Чехова, Уильямс обращает пристальное внимание на диалоги персонажей, их способность / неспособность слышать и понимать друг друга. Отметим, что указанная черта проявляется не только в драматическом, но и в новеллистическом творчестве писателя.

Человеческий голос, смех, молчание, звук шагов, кашель, биение сердца – именно эти аудиальные образы наиболее часто встречаются на страницах уильямсовских произведений. Концентрированное внимание к тембру и характеру голоса, интонациям, эмоциональной окраске речи собеседников позволяет Уильямсу посредством аудиальных образов изобразить драму человеческих отношений. Противостояние полов, сближение-отталкивание близких по духу героев,

социальная и психологическая незрелость персонажа, напряженный конфликт героя и общества, фальшь пуританской морали, страх смерти и многое другое передается нервным хихиканьем, фальшивым пением, криками, стонами, всхлипыванием, перешептыванием героев. Эмоциональная характеристика подобных звуков многообразна, однако значительная их часть (36 рассказов из 36 проанализированных) вызывает негативные ассоциации: герои не слышат друг друга, боятся выразить истинные мысли и чувства:

«Что-то продолжается, что-то пребывает неизменным.

Им было по-прежнему хорошо вдвоем.

– Мы друзья! – говорила Кора.

Она подразумевала нечто большее, но Билли вполне удовлетворяла эта формулировка – самая безопасная из всех возможных» [3, с. 308].

Страх, ненависть, раздражение, непонимание и неприятие становятся основными эмоциями, которые герои испытывают по отношению друг к другу и самим себе (подобные эмоции присутствуют в 28 рассказах из 36). Даже в тех случаях, когда между персонажами рождается симпатия, их связь оказывается слишком хрупкой. Взаимопонимание возможно, но за редким исключением («Самое важное», «Поздравляю с 10 августа!») внутреннее напряжение или внешние обстоятельства оказываются сильнее персонажа, вынужденного замкнуться в себе. Выходом становится речь, но уже письменная, а не звучащая, предполагающая пристальный интерес к письмам и писательской деятельности. Так, в рассказе «Однорукий» письма от бывших поклонников позволяют юноше обрести потерянный смысл жизни и стремление к диалогу с другими людьми: «Письма завладели им целиком. Как камень забирает весь жар, когда лежит в окружении углей, так обреченному юноше становилось теплее и теплее от осознания его связи с другими людьми» [3, с. 149].

Образ записок и писем встречается и на страницах других произведений: «Проклятье», «Хроника смерти», «Рыцарь в поисках приключений». Письменное слово содержит информацию, которую опасно произносить вслух, воссоздает мечты и успокаивающие иллюзии персонажей. Что же касается героев-писателей или поэтов, то для них, как и для самого Уильямса, письменное слово становится средством защиты от жестокости окружающего мира: «Меня вынудили смотреть на мир глазами писателя» [3, с. 316], – говорит о себе герой-рассказчик в автобиографическом произведении «Сходство между футляром для скрипки и гробом».

Автор уделяет пристальное внимание не только способам оформления речи (речь письменная – речь звучащая), но также психофизиологической способности героя к воспроизведению звука. Вынужденное или осознанное молчание («Они почти никогда не обсуждали друг с другом своих дел...» [3, с. 162], «Мэри-Луиза онемела от потрясения...» [3, с. 274], «Он не задавал ей вопросов. Она его ни о чем не спрашивала» [3, с. 454]) подчеркивает незащитность героя, хрупкость человеческих взаимоотношений, неготовность героев к диалогу, поиск партнера, с которым взаимопонимание проявится гораздо глубже, чем только на уровне слов: «„Господи“, – единственное слово, которое она могла вымолвить, но Брик Поллит как-то понимал, что она хотела этим сказать, словно

говорила она на языке, который только они одни на всем свете знали и могли понимать» [3, с. 265–266].

Тембр и громкость голоса или смеха выдают психологическое состояние персонажей, влияют на отношение к ним других, подчеркивают единство героя с социумом или его положение изгоя. Так, привычка громко говорить о тех вещах, о которых принято молчать или перешептываться, и резкий неестественный смех вызывают негативное отношение школьников к Герте, а писклявый голос Сморчка становится одной из причин травли мальчика одноклассниками («Поле голубых детей»). В моменты высокого внутреннего напряжения, часто связанного с выяснением отношений, герои начинают говорить или смеяться в неестественной манере: мужчины – фальцетом, женщины – низким, близким к мужскому голосом. Нервный или истерический смех героев не только озвучивается, но и визуализируется в тексте («...дорогой, прости меня, ха-ха!» [3, с. 310]), что усиливает ощущение неестественности реакции героя, за которой скрываются его истинные чувства (страх будущего, боязнь показать свои чувства, желание переключить разговор на другую тему).

Отдельное внимание следует уделить описанию манеры пения некоторых персонажей. Пение возникает в ситуациях, когда герои напряжены и пытаются перевести разговор на другую тему («Что-то в нем не то») или они испытывают сильные эмоции – печаль («Лицо сестры в сиянии стекла») или боль («Биг Блэк: Идиллия на берегах Миссисипи»). Отметим, что профессиональных исполнителей среди главных уильямсовских героев нет, профессиональное пение звучит в рассказах лишь фоном. Как правило, герои исполняют или слушают джазовые или блюзовые песенки, популярные современные композиции, народные песни и спиричуэлс. Помимо психологического состояния персонажа, пение напрямую связано с творческим потенциалом и отношением героя к жизни. Ярким примером является песня-крик главного героя из произведения «Биг Блэк: Идиллия на берегах Миссисипи». Биг Блэк – чернокожий рабочий, который выполняет функцию запевалы – неотъемлемого персонажа фольклорной трудовой песни. Манера его исполнения (диалоговая форма) напрямую связана с афроамериканским фольклором, однако сама песня при этом еще и выражение внутренней боли, страдания героя, приобретающего в рассказе экзистенциальный характер: «Он <крик> был элементарным, эпическим. Он был словно молитва или вызов, брошенный Жизни» [5, с. 27]. В то же время песня становится выражением усталости и страдания товарищей героя и самой природы (в рассказе неоднократно подчеркивается усталость утомленной зноем земли). Биг Блэка отчасти можно считать художником: его пение становится актом самовыражения, и при этом оно приносит радость и облегчает страдание других: «Боль в их спинах и руках, боль в их ступнях стала менее острой» [5, с. 27].

Значимыми в новеллистике Уильямса оказываются не только артикуляционные, но и слуховые способности персонажей. Постепенная потеря слуха, искаженное восприятие, невозможность или нежелание слышать чужую речь представлены в целом ряде рассказов: «Ночь игуаны», «Двое из одной команды», «Карамель», «Опись имущества в Фонтана-Белла» и др. Интересно, что проблемы со слухом – это черта не только стареющих, но и тридцатилетних героев.

Если подростки и молодежь воспринимают мир в полноте звуков и красок, то тридцатилетние персонажи, за редким исключением, испытывают серьезные трудности, взаимодействуя с миром и другими героями. Избыток кальция в организме Билли («Двое из одной команды») вызывает у героя проблемы со слухом; эта ситуация воспринимается персонажем как еще один из признаков приближающейся старости, усиливая драматические переживания Билли и его страх перед будущим: «Да, конечно, Время самый ужасный враг, и они понимали, что каждый день и каждая ночь приближают поспешающего им вслед посланца ада» [3, с. 298].

Тридцатилетняя художница мисс Джелкс («Ночь игуаны»), чувствуя признаки приближающейся депрессии, отчаянно ждет одобряющего слова, жаждет участия в диалоге, но в отеле, где она отдыхает, нет сочувствующих ей людей. Она глубоко переживает изоляцию и в то же время испытывает пристальный интерес и досаду из-за того, что не может слышать, о чем беседуют ее соседи-писатели. Их тихий диалог заставляет ее чувствовать себя еще более одинокой и непонятой: «Она бросилась к двери по другую сторону от комнаты более молодого писателя в восторге оттого, что наконец-то сможет подслушать их ночные разговоры, которые уже несколько недель не давали ей покоя» [3, с. 244–245].

Искаженное слуховое восприятие мира – вынужденное или сознательное – характерно и для стареющих персонажей. Если мистеру Крупперу («Карамель») проблемы со слухом позволяют не замечать негативное отношение со стороны знакомых, становясь своеобразным средством защиты от окружающего мира, то в случае с княгиней Лизабеттой фон Гогенцальт-Казалинги («Опись имущества в Фонтана-Белла») неадекватная интерпретация звуков вызвана не глухотой, а слепотой героини. Не видя того, что происходит на самом деле, она объясняет происхождение звуков, исходя из прошлого опыта и фантазий. Так, стоны молодой горничной, издаваемые той в порыве любовной страсти, княгиня принимает за крики чайки, а хлопанье птичьих крыльев – за шумное бегство воображаемых ею евреев, которых, как ей представляется, она изгоняет со своей виллы.

Таким образом, внимание к звукам, имеющим прямое отношение к человеческой природе: тембру и высоте голоса, звучанию смеха, вынужденному или намеренному молчанию героев, их способности / неспособности слышать и понимать друг друга – позволяет Т. Уильямсу передать драму человеческих отношений, воспроизвести тот образ мира, в котором персонажи практически обречены на одиночество и непонимание. Как утверждал сам писатель, «... самовыражение художника – вопль узника, который хочет докричаться до другого узника, приговоренного, как и он, к пожизненному заключению в одиночке» [4, с. 234]. Подобным же стремлением – «докричаться» до другого, точно такого же одинокого и напуганного «заключенного» – обладает большинство центральных персонажей уильямсовских новелл. Для многих из них эта попытка оказывается временной либо неудачной. Однако сам автор не терял надежды на то, что взаимопонимание между людьми возможно, об этом свидетельствуют его неустанная творческая работа и твердое убеждение, что «... горные фиалки пробьются сквозь любые скалы» [2, с. 203].

Библиографический список

1. Новая философская энциклопедия : в 4 т. Т. 3 : Н–С / Ин-т философии РАН ; гл. ред. В. С. Степин. – М. : Мысль, 2010. – 692 с.
2. Уильямс, Т. Желание и чернокожий массажист / Т. Уильямс ; пер. с англ. В. Л. Денисова. – М. : Прогресс : Гамма, 1993. – 318 с.
3. Уильямс, Т. Лицо сестры в сиянии стекла : повесть, рассказы / Т. Уильямс. – М. : Б.С.Г. – ПРЕСС : Пушкинская библиотека, 2001. – 576 с.
4. Уильямс, Т. Римская весна миссис Стоун : рассказы. Эссе / Т. Уильямс. – М. : Художественная литература, 1978. – 251 с.
5. Williams, T. Collected Stories / T. Williams. – New York : New Directions Books, 1985. – 574 p.